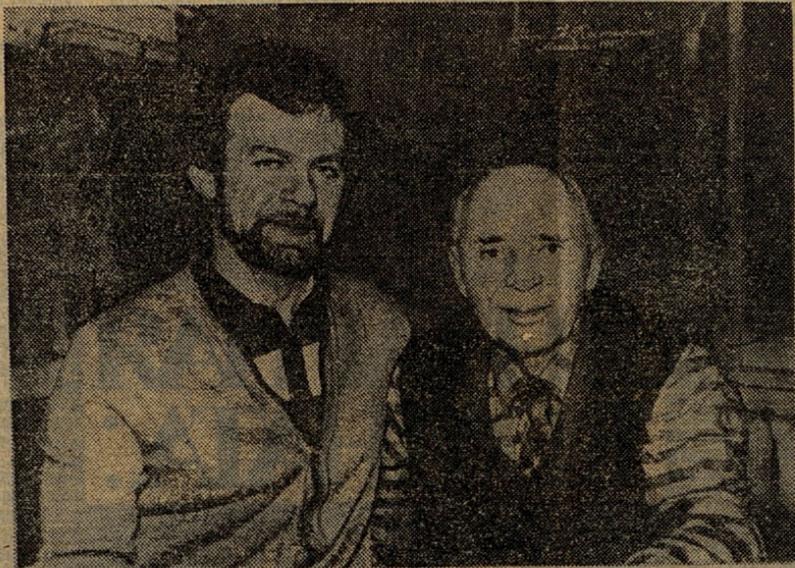

Евгений ЧЕРНОСВИТОВ

В ПОСТЯХ У ВАДИМА КОЗИНА

Е. В. ЧЕРНОСВИТОВ с Вадимом КОЗИНЫМ, Магадан, 1987 г.

В ПЕРВЫЕ о Вадиме Козине (именно так, без «Алексеевича») я услышал от своего отца, Василия Петровича Черношвитова, летчика, отвоёвавшего три войны — с белофиннами, немецкими фашистами и японскими самураями — и уехавшего из победоносной Москвы на Дальний Восток осваивать северо-восточные воздушные трассы. Хабаровск, Охотск, Магадан, Анадырь и далее, к Ледовитому океану, прокладывал он трассы на «Ли-2», «ИЛ-12». В первые послевоенные годы наша семья жила сначала в Хабаровске, затем в Охотске. Тогда в семейной библиотеке появилась книга, которую, как я знал, отец бережет прежде всего из-за дарственной надписи, никакого отношения не имевшей к авторству: «Васе Черношвитову на добрую память. С уважением В. Козин. Магадан, 1953 г.». Книга была толстая и тяжелая, в ней лежала фотография: Вадим Козин стоит в окружении летчиков ГВФ рядом с моим отцом. С тех пор осталось в памяти — в Магадане есть удивительный артист.

И вот через десятилетия оказался я в «столице колымского края». Из беседы с коллегами узнал, что певец по-прежнему живет в Магадане. Нельзя ли его увидеть? К Козину повела меня потомственная колымчанка Любовь Кожеурова. В центре города, в пятиэтажном бетонном доме, в однокомнатной квартирке, мы должны были оказаться ровно в 21.00. Люба пояснила, что «Козин человек ночной, принимает у себя поздно, разговаривать любит долго».

Нажимаем кнопку звонка у чеканной таблички, дверь открывается, и появляется маленький, сухонький старый человек в потертом, выдавшем виды жилете, надетом поверх клетчатой рубашки, с аккуратным галстуком в тон. Раздеваемся в узком коридоре, большую часть которого занимают книжные полки, уставленные папками с тщательно подобранными в течение многих лет вырезками из газет. Вадим Алексеевич тут же рассказывает, что «это все статьи о советской и зарубежной эстраде, о культуре, о возвышении, величии и падении певцов, музыкантов, артистов». Коридор буквально завален кипами журналов и газет, сегодняшних и пятидесятилетней давности.

Сухопарый, очень подвижный, с венчиком редких седых волос, обрамляющих голову, с лукавыми живыми глазами, он, кутаясь в меховой жилетик, извиняется за тесноту. Козин объясняет, почему не хочет покидать эту квартиру, хотя ему предлагают: «Мои тут стены». Он просит власти, коль они о нем «так стали последнее время заботиться», дать двухкомнатную квартиру его соседям, живущим через стенку в такой же однокомнатной, а ему сделать квартиру из двух однокомнатных. «Вот, — он открывает дверь на кухню, — здесь, посмотрите, полки. А на них высухают и корежатся от непостоянной температуры пластинки и бобины с магнитофонной пленкой, на которых голоса Вертинского, Лещенко, Утесова, мои старые концерты...»

Не успели мы разместиться за столом, как раздался звонок: «Наверно, это мой друг-фотограф, я его пригласил, должны же мы сфотографироваться на память?» Но, оказывается, пришли с телевидения договариваться с Вадимом Алексеевичем о новой передаче. «Становлюсь популярным, — шутит он, этот человек, которого знает весь мир. — Вот уже и по Центральному телевидению показали в «90 минутах», скоро магаданцы со мной получше познакомятся!»

В 1984 году в Нью-Йорке вышел диск-гигант с записью концерта Козина. Песни и романсы, представленные тут, записаны в 1958 году на обороте по-американски роскошного футляра — русский текст:

«На советской довоенной эстраде рядом с именем Вадима Козина трудно поставить равноценного исполнителя по славе, по популярности и по количеству пластинок, расхвачивших по стране огромными тиражами. Казалось, слава его легендарной бабушки Вари Паниной возродилась в нем. Его необычной красоты

цыганский голос сводил с ума всех, кто его слышал, — женщин, мужчин...»

Диск назван «Привет из Магадана». «Честное слово, — клянется Вадим Алексеевич, — не знаю, как они попали на концерт со своей аппаратурой. Ведь запись великолепная». Действительно, запись на этом диске великолепна, не то, что на пластинках фирмы «Мелодия». Кстати, на обоих конвертах этих пластинок изображено солнце. Вадим Алексеевич шутит: «Посмотрите! Если на первом конверте оно еще в зените, то на втором — в закате!» Показывает нам запрос одной из западногерманских фирм выпустить диск с его песнями. «Миллионы сулят, — говорит Вадим Алексеевич, — отовсюду посылают такие вот бумажки — из Бразилии, Аргентины, Швеции...»

Вскоре приходит и фотограф — Анатолий Николаевич Костырин, преданный друг и помощник в ведении «козинского хозяйства». Начинаются фотосъемки, а Вадим Алексеевич рассказывает...

...Еще до революции 1917 года семью цыган Ильинских в Петрограде знали все. Исполнительница цыганских романсов Вера Панина, бабушка Козина, снискала непревзойденный успех.

Вадим Алексеевич показывает фотографии черноокой красавицы, которую хранит под стеклом на своем рабочем столе.

Еще одна фотография — на ней великолепное здание, окруженное сквером. Улица братьев Васильевых — на углу бывшего Каменноостровского проспекта (ныне Кировского) — на Васильевском остро-

ве. Дом 20. Здесь прошло детство Козина. «Я петербуржец, — продолжает артист. — Парадоксально, но, живя в Магадане, я живу дома. Здесь мой Ленинград, мой город, в который я врос. И там, и здесь — я дома».

И вновь скачок в прошлое...

«Дедушка мой был коробейником, торговал мануфактурой. Козины, Каширин, Ягодина — известные до революции старинные купеческие фамилии. Собственно положение дед добился не просто. Начало положил прадед. У него была любимая профессия — он ходил по деревням и продавал крестики, иконки. Коробейник, одним словом».

Будучи крепостным графа Шереметева, накопил он таким образом 100 рублей и выкупился на волю. Благодаря природной предприимчивости приобрел в Петербурге участок земли и выстроил свой первый дом».

Слушая Козина, я невольно оглядывал его комнату. Хаос и нагромождение таких разных по форме и ценности предметов и думал: «Вот он, мир Козина. Вот она, его Вселенная!»

Уезжая домой, в Москву, я сказал Любе Кожеуровой, что, возможно, буду писать о своем визите к Козину — сильное впечатление он произвел на меня.

Вот оно — настоящее-то золото Колымы, сама история. Запад миллионы сулит, присваивает наше отеческое достоинство и, парадоксально, сохраняет его для людей... А мы ждем, пока уникальные пластинки с изумительными голосами покорежатся, рукописи, если не сгорят, то истлеют... До-

коле безалаберность наша будет править бал?

За несколько дней до 85-летия Вадима Алексеевича — он родился 21 марта 1903 года — я получил от Любы письмо с дополнениями к рассказу самого певца о времени начала войны. Вот краткое изложение этого письма.

В окопах пели бойцы песню «Москва», написанную Козиним, — ее размножили и раздали как листовку. Козин был членом актерской концертной бригады, побывавшей в Севастополе. У него сохранилась, оказывается, вырезка из севастопольской газеты с фотографией: певец на палубе боевого корабля перед моряками-черноморцами. Выступал Вадим Алексеевич в частях действующей армии, где сценой служили кузов грузовика, поляна или поле. Пел в госпиталях и на передовой. Козин выступал не только перед фронтовиками, пел и для рабочих оборонных заводов Урала и Сибири.

В 1943 году в Москве вышла грампластинка с популярными козинскими песнями — «Письмо с фронта», «Всем ты, молодец, хорош», «Махорочка».

Прочитал я письмо Любы, и захотелось услышать голос Вадима Алексеевича тех лет, чистый голос, юношески застенчивый, негромкий, удивительно нежный.

Я вспомнил, что и как говорил мне Козин о нашей современной эстраде. «Отбери-ка у них микрофон и усилители, смогли бы они удерживать внимание публики? А Вертинский пел вполголоса, и толпа с первых звуков замолкала, зачарованная... Бывало, что и я переходил на шепот, но не боялся, что меня не услышат в последних рядах летней эстрады...»

Прошлой осенью, вернувшись в Москву, я, конечно, поведал своему отцу о визите к Козину, показал фотографии. «Да, Вадик изменился... не просто постарел, а каким-то другим стал... Был такой элегантный, круглощекий, чрезвычайно обаятельный. Ну, а на сцене — бог». И отец вспомнил о концертах, которые он слушал в 48—50-х годах в Магадане. Вот один из его рассказов:

«Маглар (так назывался магаданский музыкально-драматический театр — ныне Театр имени М. Горького) в те годы находился в самом центре Магадана. Вадим Козин пользовался свободой передвижения, ибо был в постоянной группе актеров этого театра (тоже «эзек»). Дом культуры в зоне. Здание новое. Актеры средних лет. Зал всегда полон. Первые ряды — для магаданской «знати»: красивые женщины в шифоне и бархате, избыток меха, золота и бриллиантов. Тяжелый запах духов «Красная Москва», «Каменный цветок». Занавес открывается: выходит элегантный Козин. В зале тишина. Козин смотрит в персональную ложу, где восседает с супругой Никишов — директор Дальстроя, самодержец колымского края. Жена Никишова выдерживает продолжительную паузу. В зале гробовая тишина. Козин не сводит глаз с Никишовой. Наконец она медленно наклоняется к мужу и что-то говорит ему. Раздается властный голос Никишова: «Бродягу!» Козин, улыбаясь, начинает петь. Песня окончена. Зал молчит, все глядят на Никишовых. Пауза. Если оттуда начинают раздаваться слабые хлопки женских рук — зал взрывается овацией. Затем опять тишина. Никишова вновь наклоняется к мужу. Тот же властный голос произносит: «Публика желает слушать «Нищую!» И все повторяется вновь. Было и такое, что хлопков из «правительственной» ложи не раздавалось. Тогда и зал молчал. Козин, элегантно поклонившись, уходил со сцены...»

Прощаясь с Козиним в Магадане, я подарил Вадиму Алексеевичу свою семейную фотографию, которую он тут же при мне «зарегистрировал» в специальной книге и положил под стекло на свой рабочий столик. Под этим толстым с неровными краями стеклом хранится не только фотография его знаменитой бабушки, но снимки многих друзей и почитателей таланта Вадима Козина. Здесь Михаил Ульянов, Михаил Глузский, Борис Штоколов, Людмила Чурсина, Ролан Быков, Сергей Юрский — все фото с теплыми словами благодарности и признательности. А над стеклом лежит переписка — «пикирование» эпиграммой с Валентином Гафтом; поэма Евгения Евтушенко «Северная надбавка» с автографом: «Дорогому, любимому, великому человеку и артисту с любовью и нежностью, восхищением, завистью. Е. Евтушенко. 17.7.1977». Кстати, Вадим Алексеевич поздравил, какие оценки он выставил Евтушенко за главы этой поэмы: в основном «3» и «4», ни одной «5». «Когда я ему показал, как оцениваю части поэмы, автор обиделся: «Вадим Алексеевич! Неужели не заслужил ни одной «5»? А я ответил ему: «Ты что, Пушкин?»

Замечательный счет. Вот, оказывается, какие меры существуют для истинного художника. И ничто на свете не может ему помешать быть собою.